

- учеб. заведений / Е.В.Замановская. – М.: Академия, 2007.
8. **Кондрашенко В.Т.** Девиантное поведение у подростков / В.Т. Кондрашенко. – Минск, 1988.
 9. **Леонтьев Д.А.** Смысл смерти: на стороне жизни / Д.А. Леонтьев // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2004. – № 2(5). – С. 40–50.
 10. **Личко А.Е.** Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – Л., 1983.
 11. **Регуш Л.А.** Проблемы психического развития и их предупреждение / Л.А. Регуш. – СПб., 2006.
 12. **Франкл В.** Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990.
 13. **Фрейд З.** Печаль и Меланхолия / З. Фрейд // Суицидология: прошлое и настоящее. – М., 2001.
 14. **Шнейдман Э.С.** Душа самоубийцы: пер. с англ. / Э.С. Шнейдман. – М., 2001.

РАЗДЕЛ V. МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ – ПОИСК САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

ОТРАСЛЕВАЯ И МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ЭКЛЕКТИЧНОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Савельев Илья Васильевич

Студент 4-го курса юридического факультета
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

Сушкова Ольга Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Предпринимательского и корпоративного права» Московского
государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
(МГЮА), доцент кафедры «Предпринимательского, трудового и
корпоративного права» Юридического факультета РАНХиГС

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции развития уголовного права и уголовного процесса в их взаимосвязи. Анализируются факторы наращивания эклектизма уголовного права и уголовного процесса как метафизически («взятых сами по себе»), так и диалектически (взятых в движении, взаимозависимости и взаимодействии).

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, эклектичность, законотворчество, уголовная ответственность.

Abstract: The article discusses the trends in the development of criminal law and criminal procedure in their relationship. The factors of increasing eclecticism of criminal law and criminal process are analyzed both metaphysically («taken by themselves») and dialectically (taken in motion, interdependence and interaction).

Key words: criminal law, criminal procedure, eclecticism, lawmaking, criminal liability.

Введение

1 июля 2002 года ознаменовалось новой вехой развития отечественного уголовного судопроизводства – вступлением в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) [16]. Сам процесс создания и принятия, а также нюансы общественного и научного резонанса вокруг данного события, различные позиции и доводы к ним обстоятельно освещены в юридической литературе [7].

В довесок к имеющимся системно-парадигмальным противоречиям, сформировавшим эклектичность функционирующей ныне в России модели уголовного судопроизводства[3], всё большее негативное влияние на органичность процессуальных нормативов оказывают законотворческие порывы субъектов права законодательной инициативы (формирующие проблемный дискурс) и принятые в результате их «фильтрации» законодательные решения (фактически создающие проблемы).

Уголовный процесс может быть трансформирован (деформирован) как в результате изменений уголовно-процессуального нормативного полотна, так и новеллизации уголовного закона, что фактически способно нивелировать, строго говоря, низвергнуть уголовно-процессуальный инструментарий, превратить уголовно-процессуальное законодательство в бесполезный или крайне противоречивый текст, и, ввиду межотраслевой несовместимости, привести к абсурдному результату.

Сие «мертворождённые» материально-правовые новеллы годами порицаются представителями юридической науки и не применяются практиками, формально сохраняя своё существование (например, статьи 1731 и 1732 УК РФ). Либо нормы действуют, но применением своим порождают нормативный и институциональный хаос (например, ч. 1 ст. 184, часть 4 ст. 2041 и ч. 5 ст. 2911 УК РФ, преюдициальные нормы ст. 1161, 1511, 157, 1581, 1714, 2121, 2153, 2641, части 1 статьи 282, статьи 2841, ч. 2 ст. 3141, ч. 1 ст. 315 УК РФ и т.д.).

Помимо существующих материальных норм, уголовное право постоянно борется с дезорганизующими тенденциями как криминализационного, так и системообразующего характера[12]; кратко разберём в данной статье некоторых из них: инициативы, направленные на введение уголовного проступка и уголовной ответственности юридических лиц, криминализация незаконного обогащения, меры по противодействию организованной преступности (реализованные уже) и проч.

Эклектичные законотворческие экзерсисы монопольного Демидурга нормативов не обходят стороной и процессуальную «материю»: реформирована система предварительного расследования и механизм обжалования, проверки и пересмотра судебных решений; вдобавок к включению в первоначальную редакцию УПК РФ раздела X и главы 40, в 2009 г. была введена глава 401; горят дискуссии о необходимости введения института следственного судьи/судебного следователя и т.д.

Далее мы предлагаем читателю обратить внимание на факторы наращивания эклектизма уголовного права и уголовного процесса как метафизически («взяты сами по себе»), так и диалектически (взяты в движении, взаимозависимости и взаимодействии) и порассуждать на тему факторов эклектического низвержения системного постулирования нормативов и существования уголовной юстиции.

Фактор уголовного законотворчества

Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Положения статьи 761 УК РФ, подвергшиеся в недавнем времени изменениям в части расширения перечня деяний[17], возможность освобождения от уголовной ответственности за которые и постулируется данной статьёй, содержат некоторые юридико-технические ошибки, неточности и дуближи, порождающие противоречия и нагромождения [5]. Подобные огрехи содержатся и в статье 281 УПК РФ.

Например, совершенно не ясно почему действие нормы уголовного права ограничивается нормой уголовно-процессуальной: согласно части 1 статьи 281 УПК РФ, освобождение от уголовной ответственности может произойти только в том случае, если причинённый налоговым преступлением ущерб бюджетной системе возмещён до судебного заседания.

При этом отметим, что императивные нормы («освобождается...»), содержащиеся в частях 1–3 статьи 761 УК РФ, наполняются диспозитивным процессуальным содержанием, когда на принятие решения непосредственному субъекту уголовного преследования (дознавателю, следователю) требуется согласие институционального руководителя (прокурора или руководителя следственного органа).

Сущностно же данное основание освобождения от уголовной ответственности, в отличие, скажем, от деятельного раскаяния, а) императивно, б) отличается по фактическому основанию освободительной потенции – по перечню и характеру деяний, описанных в УК РФ, после совершения которых возможно освобождение от уголовной ответственности, в) не требует явки с повинной и способствования раскрытия и расследования преступления, г) не требует утраты общественной опасности лица. Требование возмещения ущерба (заглаживания вреда) сохраняется (в случае с налоговыми преступлениями – идентично и по размеру), однако, в действительности, иные указанные требования деятельного раскаяния заменяются, согласно содержанию нормы части 2 статьи 76 УК РФ, легальной денежной мздой.

В контексте уголовного судопроизводства особое значение принимает тот факт, что одно из требований деятельного раскаяния – явка с повинной и способствование раскрытию и расследованию преступления – исключается из канвы освободительной потенции в связи с возмещением ущерба (по статье 761 УК РФ). То бишь, лицо может и никогда б не оказалось в незавидном положении объекта уголовного преследования, если б не акторы предварительного расследования, «мотивирующие» его выполнением своих профессиональных обязанностей на имущественную расплату за преступный ущерб.

Только если в случае с преступлениями в сфере экономической деятельности (согласно старой редакции статьи 761 УК РФ) такой ущерб причинялся в основном государству, справедливо требующему кратного возмещения за сам факт пренебрежения уголовно-правовыми запретами в сфере экономической деятельности, а дела о преступлениях относились в основном к делам публичного обвинения, то сегодня расширение перечня деяний в пункте 2 статьи 761 УК РФ посягательствами на интеллектуальные права и на собственность (дела по которым относятся к делам частно-публичного обвинения) позволяет говорить о пренебрежении правами и законными интересами потерпевших в угоду пресловутой либерализации и легальному низвержению назначения уголовного судопроизводства (подпункт 1 пункта 1 статьи 6 УПК РФ).

Судебный штраф

Ещё одно искусственно созданное материально-правовое основание освобождения от уголовной ответственности, унижающее права и законные интересы потерпевших и создающее огромную коррупциогенную питательную нишу. Мало деятельного раскаяния с «большим» количеством требований, мало освобождения в связи с трёхкратным возмещением ущерба; суд правомочен освободить от уголовного преследования даже в случае простого возмещения ущерба посредством символического денежного «обругивания»; только вот чем такая судебная инициатива будет мотивирована – риторическая загадка.

Криминализация

12 апреля вступит в силу Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» [13]. Положения его, конструирующие новые составы преступлений, строго говоря, способны произвести настоящий «бум» среди представителей субъектов предварительного расследования, хотя бы в части очевидности прогнозируемых сложностей в доказывании.

«Избитая» криминализация незаконного обогащения, проведение которой преобразуется в неюридических умах в сущее и истинное воплощение «антикоррупционного» [15], буквально накануне превратилась в предмет рассмотрения Конституционного Суда Украины [14]. Но и данный факт лишь породил новый виток журналистской критики.

Ширится административная преюдиция, порождающая процессуальный хаос [6].

Уголовный проступок

Законопроект о введении понятия уголовного проступка, внесённый Верховным Судом Российской Федерации [11], вызвал шквал критики как со стороны представителей материального уголовного права [9], так и со стороны процессуалистов [4].

Мы лишь скажем, что с той же декларируемой инициаторами целью (либерализации и гуманизации) куда как более логичным было бы декриминализовать преступления, санкции к которым не предусматривают наказание в виде лишения свободы, с переносом их в разряд административных правонарушений.

Уголовная ответственность юридических лиц

По данному вопросу в науке также сломано немало копий. В частности, как представители уголовного права [10], так и процессуалисты [1], выражают заслуживающие внимания позиции.

Скажем лишь, что институционально данный вопрос, в случае его нормативного разрешения, как минимум, не решит фундаментальных проблем уголовной юстиции, как максимум – добавит и разноо-

бразит эклектичные тенденции уголовного права и уголовного процесса.

Фактор уголовно-процессуального законотворчества

Презумпция невиновности. Подражающее существование глав 40 и 401 УПК РФ, именуемое иногда оптимизацией и дифференциацией, в том виде, в котором они представлены сегодня, противоречит романо-германскому (континентальному), конституционному и уголовно-процессуальному принципу презумпции невиновности [2]. Кажется, что сегодня это замечание ни у кого не вызывает сомнений, но не отзывается в сердце законодателя, игнорирующего очевидное [8].

Принцип состязательности или объективная истина? Перекос, вызванный включением принципа состязательности (имеющим эфемерное выражение даже на Родине своей) в фундамент российского уголовного судопроизводства, порождает кривизну уголовно-процессуального здания: дихотомия процессуальной состязательности – независимый следователь, независимый адвокат – абсолютно фантастическая абсурдизация, не подтверждающаяся и другими нормами уголовно-процессуального законодательства.

Когда сторона обвинения должна стремиться к установлению объективной истины по делу (что следует из системного толкования отнюдь не фундаментальных норм УПК РФ, а норм более «мелкого» порядка), а сторона защиты (в основном, защитник) стремится к минимизации или исключению уголовной репрессии любыми путями в угоду интересов доверителя, состязательность и объективная истина превращаются в инквизиционную ложь или защитительную провокацию. Попытка базисного совмещения несовместимого, «впихивания невпихиваемого», хотя, казалось бы, столь прогрессивного и цивилизованного, даже, красивого с правовой точки зрения, дополненная эпохой реакции (отрицания коммунистических постулатов, реставрацией капитализма) приводит к тому, что уголовно-процессуальное здание откровенно «разъезжается».

Нужен ли следственный судья/судебный следователь? Данный вопрос сегодня активно муссируется в юридической прессе. Только вот апологеты данного институционального преобразования слабо подкованы в компаративистике и не совсем ясно понимают существующие в мире модели уголовного судопроизводства, их институциональное наполнение и функциональные связи.

Институты немецкого следственного судьи и французского судебного следователя (часто на данной игре слов исследователями акцент не делается, как и с пониманием сущностных граней, так и без онога) не различаются многими реформаторами, что рождает неясность – кто российскому процессу предлагается? А в случае институционализации в современном российском уголовном процессе, скажем, модели французского судебного

следователя, до абсурда доведётся существование института российского следователя; немецкий следственный судья – лишь специализирующийся на уголовных делах обычный судья; российская потенция – идиотическая «прокладка» между прокурорско-следственным и судебным механизмами.

В целом, подводя итог, следует отметить нарастающую тенденцию к развитию как сугубо отраслевой, так и межотраслевой эклектичности уголовного права и процесса, грозящую фундаментальным дисбалансом и вычурностью нормативных и институциональных элементов системы российской уголовной юстиции.

Список литературы

1. **Головко Л.В.** Дежавю, или Очередная порция доводов в пользу уголовной ответственности юридических лиц / Л.В. Головко // Закон. – 2017. – № 8. – С. 105–114.
2. **Головко Л.В.** Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости / Л.В. Головко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 4. – С. 29–34.
3. **Головко Л.В.** О проблемах российского уголовного процесса / Л.В. Головко // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2014. – № 1. – С. 75–80.
4. **Головко Л.В.** Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплёка / Л.В. Головко // Закон. – 2018. – № 1. – С. 128–136.
5. **Иванов Н.Г.** Возможности и императивы освобождения от уголовной ответственности / Н.Г. Иванов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 141–145.
6. **Иванов Н.Г.** Множественность преступлений и административная преюдиция в современном УК РФ / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 2017. – № 11. – С. 72–80.
7. Курс уголовного процесса. – М., 2017. – С. 168–173.
8. **Макарова З.В.** Презумпция невиновности: прошлое и настоящее / З.В. Макарова // Международная Ассоциация Содействия Правосудию [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/434> (дата обращения: 07.04.2019).
9. **Наумов А.В.** Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 93–97.
10. **Наумов А.В.** Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и законотворческие аспекты) / А.В. Наумов // Право и государство. – 2017. – № 1–2. – С. 106–118.
11. **Иванов Н.Г.** Уголовная ответственность юридических лиц: аргументы contra / Н.Г. Иванов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 45–50.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Верховный Суд Российской Федерации. – Режим доступа : <http://www.vsr.ru/files/24307/> (дата обращения: 07.04.2019).
13. **Рарог А.И.** Законодательные атаки на устои уголовного права / А.И. Рарог // Государство и право. – 2013. – № 1. – С. 24–32.
14. Российская газета, № 72, 03.04.2019.
15. Рішення Конституційного Суду от 26 лютого 2019 року № 1-р/2019 // Законодавство України [Електрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v001p710-19> (дата обращения: 07.04.2019).
16. **Савельев И.В.** Конструкция состава незаконного обогащения как инородный элемент в уголовно-правовом организме / И.В. Савельев // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 224–230.
17. СЗ РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
18. Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ, 31.12.2018, № 53 (часть I), ст. 8459.